

УДК 821.161.1: 39

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДОВ СИБИРИ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ТОБОЛ»¹

Татьяна Александровна Сироткина

д. филол. н., доцент кафедры филологического образования и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. sirotkina71@mail.ru

SPIN-код: 7901-7167

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

ResearcherID: D-5802-2018

Статья поступила в редакцию 30.07.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткина Т. А. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 70–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78

Please cite this article in English as:

Sirotkina T. A. Etnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseyeva Ivanova «Tobol» [Ethnic Images of the Peoples of Siberia in the Novel 'Tobol' by A. Ivanov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 70–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78 (In Russ.)

Сибирь является одним из тех разноплановых, неоднородных регионов, представления о которых могут значительно различаться в сознании отдельных личностей и разных поколений. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование образов Сибири, репрезентируемых посредством текстов различных типов дискурса. В настоящей статье рассматриваются этнические образы народов Сибири на примере функционирования этнонимов в тексте романа Алексея Иванова «Тобол». Цель статьи – обосновать актуальность исследования отдельных компонентов образа Сибири в разных типах дискурса, описать этнический фрагмент данного образа на примере художественного текста. Источником материала послужил изданный в 2017–2018 гг. двухчастный исторический роман А. Иванова, повествующий о событиях эпохи Петра Великого. Основным методом работы являлся метод дискурсивного анализа. В результате проведенного исследования было описано функционирование этнонимов в текстах исторической прозы, которое не только отражает этнические стереотипы языковой картины мира, но и помогает воссоздать этнические образы народов Сибири в исторической ретроспективе. Подчеркивается, что функционирование этнонимов отражает этнический фрагмент образа Сибири, представленного в художественном дискурсе. Делается вывод о том, что художественные тексты являются незаменимым источником не только описания образа Сибири, но и его конструирования в сознании жителей России. Поэтому очевидны перспективы данного исследования, связанные с привлечением для анализа текстов других типов дискурса, и обращения к иным аспектам рассматриваемого образа.

Ключевые слова: этнические образы; Сибирь; Алексей Иванов; этнонимы; дискурс; текст.

Сибирь является одним из тех разноплановых и неоднородных регионов, представления о которых могут значительно различаться в сознании отдельных личностей и разных поколений. По справедливому замечанию Е. В. Головневой, «неоднозначность и противоречивость современного восприятия Сибири ставит вопрос об

основаниях и механизмах конструирования ее образов» [Головнева 2016: 212].

По вышеназванным причинам особую актуальность приобретает исследование образов Сибири, репрезентируемых посредством текстов различных типов дискурса. Так, Т. А. Демешкина, обращаясь к текстам диалектного дискурса,

отмечает, что сибиряки осознают свое славянское происхождение, русскую идентичность, но видят и отличия по ряду признаков [Демешкина 2015: 108]. Н. Н. Родигина, описывая образ региона в учебной литературе по истории XIX в., констатирует, что «для учебной литературы характерно распространение в массовом сознании представления о Сибири как о «золотом дне», своеобразной кладовой, богатой природными ресурсами. Одновременно Сибирь рассматривалась как свидетельство территориального могущества русского государства, своеобразный ресурсный, в том числе и земельный, резерв империи» [Родигина 2006а: 192]. Художественные тексты, которые станут объектом нашего изучения, исследовательница в своей докторской диссертации относит к социокультурному уровню формирования образа региона, к которому, наряду с ними, принадлежат многочисленные научные описания, а также справочная и учебная литература [Родигина 2006б].

Материалом для настоящей статьи послужил опубликованный в 2017–2018 гг. двухчастный роман Алексея Иванова «Тобол», повествующий об исторических событиях эпохи Петра I на территории Сибири. «То было время, – пишут в одной из аннотаций издатели книги, – в которое творилась история российской Азии, да что там, всей России. Народы, веры перемешались. Пленные шведы, офицеры и чиновники, каторжники, китайские контрабандисты, беглые раскольники, шаманы, православные миссионеры, бухарские купцы и воинственные степняки-джунгары – все они вместе так или иначе повлияли на нашу историю»². Попытаемся рассмотреть с помощью метода дискурсивного анализа, каким образом репрезентируются этнические образы народов Сибири в тексте данного романа.

Необходимо отметить, что данная работа продолжает целый ряд исследований по геопоэтике урало-сибирского региона и, в частности, геопоэтике текстов А. Иванова. Как справедливо отмечают литературоведы, интуиция автора «превращает его пейзажи в геопоэтические образы» [Абашев 2012: 147], а «программный и художественный убедительный регионализм А. Иванова» оказывается «в высшей степени востребованным» [Подлесных 2008: 3].

В своем интервью журналу «Эксмо» в марте 2018 г. писатель говорит о том, что «большая часть нашей страны – terra incognita, пространство, известное только небольшому числу региональных историков». Наверное, поэтому он всю свою жизнь пишет исторические романы, желая открыть читателю неизведанные земли и непознанные пространства. Почему автор обратил свой взгляд еще дальше на север, переместив-

шись с Урала в далекую, порой неизведанную Сибирь? Ответ, как думается, лежит на поверхности. Поскольку, как отмечают исследователи, «Алексея Иванова эстетически притягивает древнее, неведомое, вышедшее из темных и страшных земных глубин» [Абашев 2012: 147]; север Западной Сибири явился для него тем местом, где еще больше, чем на Урале, нераскрытых тайн и реалий старины, регионом, геопоэтически еще более ярким и насыщенным. И хотя, по словам А. Иванова, «определение региональной идентичности не было главной задачей этого романа», он все же ставит своей целью «показать многомерность мира через восприятие представителей разных культур»³. И это автору блестяще удается. Удается прежде всего посредством реализации в тексте двух основных оппозиций: «свои – чужие» и «коренное население – пришлое население». Несмотря на значимость отнесения определенных реалий к конкретной этнической культуре, важнее для автора, как представляется, показать «многомерность мира», о которой он говорит, существующую даже в рамках определенного ограниченного пространства, в котором происходят события романа.

Через все произведение проходит идея равноправного существования на севере разных этносов. И русские, и остяки, и татары строят здесь дома, ловят рыбу, находят золото: «Но порой золото вываливается из-под плуга мирного пахаря – *татарина* или *русского слобожанина*» (здесь и далее курсив наш. – Т. С.) [2017: 137]⁴. Различия в их быте и культуре создают то этническое многообразие, которое складывается в сибирскую этническую мозаику: «Вокруг флотилии сновали крестьянские насады и шитики, *татарские каюки* и легкие обласы инородцев, очертаниями схожие с луками, – судно губернатора сопровождали зеваки из окрестных деревень» [там же: 83]; «*Русские солдаты* ничем не отличались от *шведов*, даже свои ружья они свалили в обозные сани, в которых везли провизию и скарб» [там же: 18].

Подробно описывает Алексей Иванов особенности быта, культуры, традиционные занятия разных этносов: «*Тобольские бухарцы*, которых возглавлял Ходжа Касым, летом на судах объезжали становища инородцев на Оби ниже устья Иртыша и покупали пушнину» [там же: 31]; «Посреди двора стояла корова; сидя на лавочке, ее доила *русская баба*» [там же: 184]. Многочисленные предметы и явления имеют в произведении А. Иванова этнические маркеры, не только выполняющие функцию реально-исторической достоверности, но и создающие национально-культурные образы. Так, этнонимные прилагательные маркируют в тексте романа:

– представителей разных этносов: «Вместе с другими *вогульскими женщинами* она стояла за жердяной изгородью и слушала спор» [2018: 86]; «Из-за какой-то *девки остяцкой*, поджигательницы, холопки на железо грудью кидаться – это сколько ума надо?» [там же: 260];

– особенности их внешности: «Ваня рассчитывал увидеть в зайсанге пугающего величием степного вождя, но увидел свиногожего мужика с узкими глазами; *монгольские усы и борода* тонкой черной нитью опоясывали презрительно изогнутый жирный рот; накладные кожаные лапы топорщились, как шишка» [там же: 187];

– их жилища: «Дом Нахрача ничем не отличался от других *вогульских домов*» [там же: 523];

– элементы национальной одежды: «Ренат снял рукавицы, сбросил с головы *джунгарский колпак* с ушами и посмотрел в серое небо»;

– характерные для национальной культуры обычаи и особенности поведения: «*Монголы* не любили оставлять указаний тех мест, где под травами спят их властелины» [там же: 101]; «Я вижу мужество сердечное в том, что ты не утаил согрешений *остяков*: как они детей продают в невольники, как лечиться отказываются, как в многоженстве погрязли» [там же: 367];

– объекты небесного пространства: «Иртыш призрачно и просторно светлел в темноте шевелящимся ледоходом, а в черном небе мерцали *джунгарские созвездия*, перекрещиваясь, будто следы степных колесниц, – никто не узнал их древних названий» [там же: 353] (окружающая героев природа всегда в текстах писателя является олицетворением души того народа, который проживает на данной территории);

– особенности вероисповедения и религиозных обрядов: «*Джунгары* верили в Барахмана и своих покойников сжигали, бросали в степи на съедение зверям либо отправляли в Тибетские горы, в Лхасу» [там же: 102]; «*Расколыщицкий мир* – вторая вселенная; он всюду, он невидим, но все опутал заповедными тропами; у него везде – свои люди и свои пристанища» [там же: 227]; «Теперь я знаю, почему вы, *русские*, так упрямо тащите Христа в наши леса. Вам надо, чтобы у нас была такая же сила, как у вас» [там же: 423]; «В Сибири крещение уравнивало инородцев с *русскими поселенцами*» [2017: 81].

А. Иванов описывает истории удачных и неудачных попыток крещения остяков-инородцев: «Возле села Самаровский Ям Иртыш владал в Обь, и тут Филофей ходил на языческие капища Белогорья, укрытые в дебрях чугаса – остяцкого божелесья» [там же: 192]; «Владыка требовал от воеводы снарядить гишпедицию на Обь, чтобы крестить инородцев – воевода дал дырявую посудину с драным парусом, и *березовские остяки*

только посмеялись над попами-нищелюдами» [там же: 78].

Представитель любого этноса решает для себя вопросы веры исходя из сложившейся ситуации: «*Эстляндский немец*, он был протестантом и старался не ходить в *русские православные храмы*» [там же: 50]; «Ему жалко было своих людей, которые ничего не могли возразить этому *русскому шаману*, и жалко было лесных богов, которых русский шаман объявил злыми духами» [там же: 194]. Звучат в романе и отголоски доязыческой эпохи, о которой вспоминает один из героев: «Ежели те люди, что исписали скалу, не знали одежды, выходит, не знали и бога – не только Христа или Магомета, но даже *вогульских и остяцких божков*» [там же: 223].

Этнические определения имеют многие предметы быта. Не только татары в Сибири носили татарские халаты, татарские чекмени, не только китайцы пользовались китайскими веерами, не только русские, но и иноземцы ходили в треуголках и пользовались русской посудой: «Матвей Петрович выбежал, в чем спал, – в *татарском халате*» [там же: 141]; «Возле ограды, гомоня и пересмеиваясь, околачивались зеваки и покупатели: приказчики, служилые, казаки-годовальщики, бухарец в *татарском чекмене*, монастырский экононом в рясе, захлестанной понизу грязью, какие-то шныри разбойного вида» [там же: 122]; «Довольный собою, Табберт поднялся, взял с полки хрупкий *китайский веер* с журавлями и розовыми цветами вишни и напоказ для Айкони начал томно обмахиваться, как дама, закатив глаза и открыв рот» [там же: 220]; «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* – видимо, с кашей в дорогу» [2018: 167]. Используемые иноземцами предметы быта не случайно маркируются автором как русские – А. Иванову важно показать неизбежное взаимовлияние и взаимопроникновение культур в условиях совместного существования, и он отражает это не только в мирных бытовых сценах, но и в сценах военных баталий, когда представители разных этносов испытывают одни и те же чувства, страдают одинаково: «Все перепуталось с сумятице, топоте и снежной пыли: руки, локти, плечи, лошадиные гривы, сабли, пики, копыта, искаженные лица, шведские проклятья, русская брань и монгольские ругательства» [там же: 302].

В романе «Тобол», как и в других исторических произведениях автора, яркую репрезентацию получают этнические стереотипы. Основная функция стереотипизированных высказываний – репрезентация оппозиции «мы (правильные) – они (неправильные)», существующей в языковой картине мира любого народа. В этом смысле ге-

рой романа, давая оценку тем или иным национальным предметам в зависимости от их качества, выражают как раз данную смысловую оппозицию: «– Возьми нашу бумагу, бухарскую. – Дрянная бумага, – уверенно заявил Ремезов» [2017: 118]; «Немецкие хоромы хлипкие! Палками подперты!» [там же: 96]; «Крестьянские лошади, конечно, уступали *джунгарским* в бегах, но кони степняков уже утомились за полдня» [2018: 114].

При всей пестроты этнической мозаики, репрезентируемой автором, он отражает в «Тоболе», как и в других своих произведениях (ср. комментарий в одном из интервью прошлых лет: «Мы – русские люди – люди реки. И нам у них [вогулов] в лесах – страшно»), русские национально-культурные стереотипы. Оценка героями определенных черт характера представителей других этносов (немецкой педантичности, бухарской хитрости, остяцкой наивности) воспринимается через призму авторской оценки этих качеств, в которой ярче всего реализуется оппозиция «свое – чужое». Так, например, герои романа воспринимают попытку приехавших в Сибирь немцев навести порядок во всем как вторжение на чужую территорию, в чужую жизнь: «Раньше Бухгольц вызывал у него раздражение: приперся из столицы ни с того ни с сего, никому почтения не оказал, да еще принялся переустраивать все на немецкий лад» [там же: 40].

Непривычные для русских героев романа этнические реалии сравниваются с привычными и понятными им: «Поганая на вкус кислятина обожгла, как *русская водка*» [там же: 211]. Вместе с тем показаны в тексте попытки освоения инородцами русского культурного пространства: «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* – видимо, с кашей в дорогу» [там же: 167]; «А джунгары калмыкам кто? Братья? – Ренат тщательно выговаривал эти головоломные русские названия народов» [там же: 158]. Они пытаются найти способы существования в тех условиях, в которых оказались, поскольку понимают: «Бесконечные русские пространства держат нас в плену надежнее, чем цепи и кандалы» [2017: 304]. Особое отношение автора к русским связано, как представляется, не только с принадлежностью к данному этносу, но и пониманием им как историком огромного значения освоения Сибири для дальнейшего развития страны. «Когда в XXI веке ты целый день едешь на машине от Тюмени до Сургута, ты понимаешь, – говорит он, – какие это гигантские расстояния. Понимаешь, что люди, которые отправлялись в путь на утлых суденышках, уже точно руководствовались не одной лишь материальной выгодой, но еще и какими-то другими соображениями. Осво-

ение Сибири, действительно, было пассионарным выплеском нации, и его можно ощутить по тем расстояниям, которые русскими преодолены»⁵.

Коренным жителям Сибири – остякам – приходится осваивать язык и культуру пришедших сюда русских, и постепенно им это удается: «Айкони не понимала, о чем сейчас без слов договорились эти сильные мужчины, да она почти и не разбирала *русскую речь*» [там же: 57]; «У Ремезовых была работница – остячка Пеуди. Поначалу и говорить *по-русски* не умела, а затем ничего, освоилась» [там же: 126]. Вместе с тем остяки на протяжении всего текста романа предстают простодушными и даже немного наивными, беспрекословно подчиняющимися воле своих богов и не ждущими подвоха от других людей. Однако на примере остячки Айкони автор показывает нам их способность к любви и самопожертвованию, негибкую волю в разных жизненных ситуациях. Русские, в свою очередь, осваивают те культурные традиции других этносов, которые кажутся им наиболее прогрессивными: «– У него духовный театр, – важно добавил келарь. – Зрелища разные богоугодные с поучениями. *Хохляцкая придумка*» [там же: 73]. К быту же и традициям коренных народов – только присматриваются, понимая, что все эти традиции удастся использовать лишь частично: «Ерофей приглядывался к хитростям *остяцкой жизни*: как остяки плетут из лозы ловушки на песца? Как выгибают полозья лыж? Как сушат юколу, распирая потрошеную рыбу прутиками?» [там же: 39]. Если же «свои» начинают бездумно подражать «чужим», это оценивается отрицательно: «Вырядился, как немецкая баба: овечьи кудри, грудь в кружевах, камзол с оттопыренным задом, на рукаве бант, короткие порты с пуговицами, чулки, – тьфу, мерзопакость» [там же: 89]. Однако в какой-то момент может происходить переоценка привычных взглядов и представлений: «Но сейчас Новицкий вдруг понял, что *остяки* – не идолы. Они могут быть красивыми» [там же: 202].

Представители любого «чужого» этноса выглядят непривычно, как, например, непривычно для русских выглядят пленные шведы, которых было много в Сибири: «Неподалеку от дьяков и пушек губернатора ожидали пленные *шведы* – почти все рослые, белобрысые, в потрепанных париках, посыпанных мукой, и в непривычных русскому глазу камзолах» [там же: 5]. Поэтому восприятие «других» связано с процессом стереотипизации: «*Остячек* он не мог различить между собой: все мелкие, круглолицые, смуглые, не поймешь, молодые или старые» [там же: 39]; «– Думаешь, я *русскую рожу* от *шведской* не отличи?» [там же: 7].

Автор отражает в тексте не только русскую картину мира, но и картину мира инородческого населения Сибири. Так, коренные этносы зачастую воспринимали русских как стихийное бедствие, с которым трудно справиться, поэтому нужно как-то научиться жить с ним: «В отличие от других остяков, Пантила не верил, что русские – колдуны. Он не боялся русских, он ездил на ярмарки и в Березов, и в Тобольск. Власть русских была не в колдовстве. Все русские, даже какой-нибудь последний нищий на ярмарочной площади, имели в себе безоговорочное убеждение, что тут, в Сибири, они самые главные. Они приходили и брали, что пожелают, и даже удивлялись, когда им не хотели давать. Они не сомневались в своем праве. И про меру они тоже не думали – забирали больше, чем надо, могли забрать вообще все, и не испытывали вины. Русские были не народом, а половодьем» [2017: 43].

От названий этносов образованы многочисленные топонимы, образующие и организующие сибирское пространство романа: «Вон справа – остроугольный *Чувацкий мыс*, вернее Почеваш, – верхний по течению Иртыша конец Алафейской гряды» [там же: 82]. С казаками, игравшими основную роль в освоении Сибири, также связаны некоторые топонимы, например, *Казачий взвоз* в Тобольске: «На праздничную службу он решил пойти в Никольскую церковь, что стояла возле Орловской башни Софийского двора над Казачьим взвозом» [там же: 139]. Известный исследователь того времени, Семен Ульянович Ремезов, пытается изучить и описать по различным документам той эпохи всю историю Сибири: «В углах высились поставцы с кораблями, в которых хранили склеенные в свитки бесчисленные бумаги – «отписки» воевод, казачьи «сказки», «расспросные речи» и сыскные дела Сибири» [там же: 131].

Многочисленны в тексте описания старообрядческого населения Сибири. «*Раскольников как тараканов!*» [там же: 133] – восклицает в сердцах один из героев романа. «Ссылных *раскольников*, – пишет автор, – которых пригоняли в Тобольск, обычно помещали в архиерейские казематы» [там же: 209]; «Звеня цепями, теряя в грязи березовые лапти, *раскольники* брели по улицам Тобольска к Прямскому взвозу» [там же: 205].

Использование абстрактных понятий (*русское державство, царская неметчина*) позволяет героям делать выводы и обобщения: «А сейчас этот архитектор попрекает его, будто он запамятовал, на каких опорах русское державство стоит» [там же: 104]; «Царская неметчина со всеми ее париками и шпагами, экзерцициями и фортециями Матвею Петровичу и самому не слишком нравилась» [там же: 104].

Необходимо отметить, что писатель свободно оперирует этнонимической лексикой, используя в зависимости от ситуации различные формы этнических имен. Если этноним *русские* встречается в тексте авторских комментариев или речи персонажей, хорошо владеющих русским языком, то в речи иноземцев функционирует форма *орыс*: «Этот русский не понимает, как надо жить. Он только богу молиться может» [2018: 88]; «Встань, орыс, – приказал он по-русски» [там же: 116]. Этнонимы и сочетания с этнонимными прилагательными равномерно распределены по всему тексту романа, выполняя самые различные функции: номинации персонажей, создания исторического контекста повествования, стилистической характеристики предметов, репрезентации особенностей национальной культуры, в результате чего в произведениях Алексея Иванова перед читателем разворачивается картина многонационального и поликультурного региона России – Сибири, в которой сосуществуют (когда-то мирно, когда-то конфликтно) представители различных этносов. С помощью описания особенностей внешности, традиционной одежды, верований, занятий представителей того или иного народа через текст писателя проходит идея толерантности, взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур, которые являются основой развития данного региона как одной из интереснейших в самых разных отношениях территорий России.

Несмотря на пеструю этническую мозаику описываемого региона, автор уделяет особое внимание коренным жителям края – народу ханты. Даже яркие критики романа отмечают, что «Иванов великолепен в пересказе мифов» [Мильчин 2018]. Хочется отметить при этом, что хантыйские мифы настолько незаметно вплетены в текст романа, что он немыслим без этой яркой составляющей, а пересказ их настолько необходим, насколько необходимо присутствие в тексте хантыйского начала, без которого образ Сибири в романе был бы блеклым и неполным: «Ей теперь тоже было с кем говорить. Нахрач принес ей настоящий огонь – не тот, который соскакивает с кремня, чтобы согреть человека в пути и затем умереть, а родовой огонь из священного очага. В этом огне жила маленькая веселая женщина Сорни-Най в красном платье. Когда-то она была дочерью бога Торума, хозяина неба. Некий молодой охотник полюбил ее, превратился в ласточку и похитил у Торума, бог только успел метнуть вслед похитителю молнию, которая надвое рассклала ласточкин хвост. А Сорни-Най с тех пор жила у людей на земле» [2018: 58].

Авторское восприятие Сибири, по-видимому, отражено в восприятии ее одним из русских ге-

роев данного романа – владыкой Филофеем: «Владыка Филофей озирался по сторонам. Он понимал, что впервые в жизни очутился в настоящей Сибири – лешачьей, матерой и дикой. На дощанике посреди реки или в санях на лесном тракте – это не то; на поляне у берега или даже в глухой деревушке инородцев – тоже не то. Сейчас он погружен в Сибирь, как в это болото, и шаг в сторону легко погубит его. Он не просто пробирается через трясину; он – мошка, что ползет по рылу чудовища: чудовище может смахнуть его лапой, а может и прихлопнуть. Но здесь яснее, чем в храме, ощущается присутствие бога. Господь спасает человека даже в бездне, а подлинная Сибирь – воистину бездна» [2018: 553].

Язык романа был по-разному оценен критиками. Д. Быков назвал его «некрасивым и несъедобным», Ксения Кузнецова – «простым и прямолинейным», С. Беляков – «экзотическим». Однако представляется, что в «Тоболе» А. Иванов, с одной стороны, расширяет свой опыт «погружения» в местную языковую среду, как он делал в своем первом историческом романе «Чердынь – княгиня гор», с другой – продолжает традицию «научного» осмысления определенной территории, удачно продемонстрированную в романе «Message: Чусовая», в результате чего возникают симбиоз смыслов и взаимопроникновение стилей, которые можно оценить как следующую, более высокую ступень эволюции творческой манеры писателя, свободно «переключающего» рычаги различных культурных кодов и обладающего внутренней свободой человека, освоившего данное географическое, историческое, культурное пространство. «Смешивая жанры, я получаю стереоскопическое изображение давней эпохи»⁶, – говорит автор. И это смешение позволяет ему показать Сибирь глазами представителей разных этносов, дав возможность читателям рассмотреть данную территорию не однолинейно и одномерно, а, образно говоря, в 3D-изображении.

Необходимо отметить особое место этнонимии в индивидуально-авторской картине мира. Этнонимы, используемые автором, являются, по нашему мнению, как раз отголосками «древнего и неведомого», того, что до конца постичь невозможно. А. Иванов использует этнические имена не только в исторической прозе, но и в текстах, посвященных современной жизни: «У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские копи, Югорский истукан, ... Вогульское копые. Целый год я не видел их такими яркими» [Иванов 2005а: 399]. Даже современного городского жителя, попавшего в условия туристического похода, Иванов называет «вогулом»: «Овогулившийся человек – это человек,

три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле... В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул» [Иванов 2005б: 3]. В этой авторской характеристике мы видим не просто авторскую иронию, а уважительное отношение писателя к особо значимому для его авторского сознания этносу, слову, реализующему в разных контекстах коннотации «близкий к природе, умеющий жить по законам природы», «исконный, древний», «правильный».

Таким образом, функционирование этнонимов отражает этнический фрагмент образа Сибири, представленного в художественном дискурсе, а художественные тексты являются незаменимым источником не только описания образа Сибири, но и конструирования этого образа в сознании жителей России. Теоретическая значимость исследования этнонимии исторической прозы А. Иванова заключается в углублении представлений об особенностях функционирования этнических имен в художественных текстах, важных не только для современной этнонимии, но и лингвокультурологии, этнолингвистики, геопозитики. Говоря о практической значимости работы, важно подчеркнуть наличие широких возможностей сопоставительных исследований в данном направлении, перспектив создания учебно-методических разработок, а также, безусловно, актуальность лексикографического описания этнонимии художественных текстов в региональном этнонимическом словаре.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Образы Сибири в разных типах дискурса»).

² Аннотация к книге А. Иванова «Тобол». URL: <https://ast.ru/book/tobol-mnogo-zvanykh-826852> (дата обращения: 17.07.2018).

³ Интервью с А. Ивановым. URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

⁴ Здесь и далее ссылки на произведения: *Иванов А.* Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ, 2017. 704 с.; *Иванов А.* Тобол. Мало избранных: роман-пеплум М.: АСТ, 2018. 832 с.

⁵ Интервью с А. Ивановым. URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

⁶ Журнал «Лица». URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 2(19). С. 143–151.

Галян С. В., Ларкович Д. В., Сироткина Т. А. Филологический анализ регионального (югорского) текста: учеб. пособие. Тюмень, 2017. 168 с.

Головнева Е. В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. Вып. 4. С. 211–220.

Гололобов Е. И. Сибирский север: динамика образа – от barren grounds к northern plain // *Guaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 137–152.

Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // Русин. 2015. № 3(41). С. 90–107.

Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999. 256 с.

Иванов А. Географ глобус пропил. СПб.: Азбука-классика, 2005а. 512 с.

Иванов А. Овогуливание «чайников» // *Premium-club*. 2005. Декабрь. С. 3.

Иванов А. Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ, 2017. 704 с.

Иванов А. Тобол. Мало избранных: роман-пеплум. М.: АСТ, 2018. 832 с.

Коршунков В. А. «Дорога – Сибирь!»: образ Сибири и сибирские дороги в XIX веке // Образы России, её регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Новосибирского гос. пед. ун-та. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 153–157.

Лазареску О. Г. Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 122–130.

Мильчин К. «Тобол. Мало избранных» Алексея Иванова: как российский писатель с чертом договаривался // ТАСС. Информационное агентство России. 2018. 2 февр. URL: tass.ru/options/4924682. (дата обращения: 17.07.18).

Подлесных А. С. Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

Родигина Н. Н. Образ Сибири в учебной литературе по истории XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006а. С. 185–195.

Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006б. 477 с.

Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. 192 с.

Сироткина Т. А. Этнонимы в пространстве художественного текста // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб., 2018. С. 387–393.

Сироткина Т. А. Этнонимы в региональных художественных текстах как маркеры национальной идентичности // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Елабуга, 2017. С. 218–220.

Dacewicz L. Etnonimy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego // *Slavia orientalis*. 2016. Vol. LXV, № 2. P. 363–375.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Literatura i geografiya. Ural v geopoetike Rossii [Literature and geography. The Urals In Russia geopoetics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya istoriya* [Perm University Herald. History], 2012, issue 2 (19), pp. 143–151. (In Russ.)

Galyan S. V., Larkovich D. V., Sirotkina T. A. *Filologicheskij analiz regional'nogo (yugorskogo) teksta: Uchebnoe posobie* [Philological analysis of the regional (Yugorsk) text: Textbook]. Tyumen, 2017. 168 p. (In Russ.)

Golovneva E. V. Formirovanie obraza Sibiri v protsesse ee kolonizatsii [The formation of the image of Siberia in the process of its colonization]. *Sotsial'no-ehkonomicheskij i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Social and economic and humanitarian magazine of Krasnoyarsk SAU], 2016, issue 4, pp.211–220. (In Russ.)

Gololobov E. I. Sibirskiy sever: dinamika obraza – ot barren grounds k northern plain [The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren grounds to a Northern plain]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, issue 1. pp. 137–152. (In Russ.)

Demeshkina T. A. Slavyanskiy komponent v samoidentifikatsii zhiteley Sibiri [Traits of the Slavic identity in the self-identification of a Siberian native]. *Rusin*, 2015, issue 3(41), pp. 90–107. (In Russ.)

Zamyatin D. N. *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoy geografii* [Modeling of geographical images: The space of humanitarian geography]. Smolensk, 1999. 256 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Geograf globus propil* [The geographer drank his globe away]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2005a. 512 p. (In Russ.)

Ivanov A. Ovogulivanie «chaynikov». *Premium-club*, 2005, Dec., p. 3. (In Russ.)

Ivanov A. *Tobol. Mnogo zvanykh: roman-peplum* [Tobol. A lot of those invited: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Tobol. Maloizbrannykh: roman-peplum* [Tobol. Few chosen ones: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2018. 832 p. (In Russ.)

Korshunkov V. A. «Doroga – Sibir'!»: obraz Sibiri i sibirskie dorogi v 19 veke [«The road – Siberia!»: The image of Siberia and the Siberian roads in the 19th century]. *Obrazy Rossii, ee regionov v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 75-letiyu Novosibirskogo gos.ped. un-ta* [The Images of Russia and Its Regions in Historical and Educational Space: Proceedings of Sci. and Pract. Conf. with International Participation, Dedicated to the 75th Anniversary of Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2010, pp. 153–157. (In Russ.)

Lazaresku O. G. Sibir', Ermak i drugie: k vo-prosu ob istoricheskikh transformatsiyakh literaturnykh zhanrov, obrazov i motivov [Siberia, Ermak and others: on the question of historical transformations of literary genres, images and motives]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, issue 5, pp. 122–130. (In Russ.)

Mil'chin K. «Tobol. Malo izbrannykh» Alekseya Ivanova: kak rossiyskiy pisatel' s chertom dogovarivalsya [‘Tobol. Few chosen ones’ by Alexey Ivanov: how the Russian writer was negotiating with the devil]. *TASS. Rossiyskoe informatsionnoe agentstvo* [TASS. Russian News Agency], 2 February, 2018. Available at: tass.ru/options/4924682 (accessed 17.07.18). (In Russ.)

Podlesnykh A. S. *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Geopoetics of Aleksei Ivanov in the context of the prose about the Urals. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008. 24 p. (In Russ.)

Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v uchebnoy literature po istorii 19 v.* [The image of Siberia in the textbooks on the 19th century history]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research], 2006a, pp. 185–195. (In Russ.)

Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny 19 – nachala 20 v.* Diss. dokt. ist. nauk [The image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the 19th - beginning of the 20th century. Dr. hist. sci. diss.]. Novosibirsk, 2006b. 477 p. (In Russ.)

Sverkunova N. V. *Regional'naya sibirskaya identichnost': opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Regional Siberian identity: the experience of sociological research]. St. Petersburg, 2002, 192 p. (In Russ.)

Sirotkina T. A. Etnonimy v prostranstve khudozhestvennogo teksta [Ethnonyms in the space of literary text]. *Pushkinskie chteniya-2018. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst.* [Pushkin readings-2018. Artistic strategies of classical and modern literature: genre, author, text]. St. Petersburg, 2018, pp. 387–393. (In Russ.)

Sirotkina T. A. Etnonimy v regional'nykh khudozhestvennykh tekstakh kak marker natsional'noy identichnosti [Ethnonyms in regional literary texts as markers of national identity]. *Rossiyskaya provintsiya kak sotsiokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoy i natsional'noy identichnosti* [Russian province as a sociocultural field of the civil and national identity formation]. Elabuga, 2017, pp. 218–220. (In Russ.)

Dacewicz L. Etnonimy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego. *Slavia orientalis*, 2016, vol. 65, issue 2, pp. 363–375. (In Pol.)

**ETHNIC IMAGES OF THE PEOPLES OF SIBERIA
IN THE NOVEL 'TOBOL' BY A. IVANOV**

Tatyana A. Sirotkina

Associate Professor in the Department of Philological Education and Journalism

Surgut State Pedagogical University

10/2, 50 let VLKSM st., Surgut, 628417, Russian Federation. sirotkina71@mail.ru

SPIN-code: 7901-7167

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

ResearcherID: D-5802-2018

Submitted 30.07.2018

Siberia is one of those multifaceted and heterogeneous regions the idea of which can differ significantly in the minds of individuals and different generations. In this connection, the study of the images of Siberia represented through texts of various types of discourse appears to be of particular relevance. In the present article, ethnic images of the peoples of Siberia are examined through the example of ethnonyms functioning in the text of the novel *Tobol* written by Alexei Ivanov. The article aims to substantiate the relevance of studying individual components of the image of Siberia in different types of discourse, to describe the ethnic fragment of this image by the example of literary text. The source material for the study is a two-part historical novel by A. Ivanov, published in 2017–2018 and narrating about the events of the era of Peter the Great. The main research method used was discursive analysis. As a result, the functioning of ethnonyms in the texts of historical prose was described, which not only reflects ethnic stereotypes of the linguistic worldview but also helps to recreate ethnic images of the peoples of Siberia in historical retrospect. It is emphasized that functioning of ethnonyms reflects the ethnic fragment of the image of Siberia represented in literary discourse. It is concluded that literary texts are an indispensable source not only for describing the image of Siberia but also for constructing this image in the minds of the inhabitants of Russia. Therefore, the prospects of research are obviously connected with the analysis of texts belonging to other types of discourse and consideration of other aspects of the images in question.

Key words: ethnic images; Siberia; Aleksei Ivanov; ethnonyms; discourse; text.